

О ВЛИЯНИИ РОССИЙСКИХ ВОЙСК НА СТАБИЛИЗАЦИЮ ОБСТАНОВКИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Януш С. В.

RUSSIAN TROOPS IMPACT
ON NORTH CAUCASUS SITUATION
STABILIZATION

YANUSH S. V.

The article in retrospective studies Russian troops impact on North Caucasus situation stabilization.

В статье в ретроспективе рассматривается влияние российских войск в деле стабилизации обстановки на Северном Кавказе.

Keywords: stabilization, North Caucasus, Russian troops.

Ключевые слова: стабилизация, Северный Кавказ, российские войска.

УДК 93

Кавказ в истории Российской державы занимает особое, «огнедышащее» место. Он стал военно-политической проблемой уже для Московской Руси в XVI–XVII веках. Затем наступила эпоха Российской империи...

Более двух столетий почти непрерывных войн, военных походов и конфликтов, мятежей и восстаний, вооруженных заговоров было связано с освоением горных районов Северного Кавказа. Для империи они следовали устрашающе непрекращающейся чередой и закончились для нее только в последний день правления династии Романовых. Но и после этого мир не пришел на древнюю кавказскую землю, о чем лучше всего свидетельствуют события наших дней [1].

Обращаясь в прошлое и объективно оценивая прошедшие исторические события, необходимо отметить, что фактором стабильности на Кавказе, разъединяющей силой между враждующими народами являлась и является российская армия.

Непрекращающееся, глубокое влияние социально-политических, культурных и других значимых процессов постепенно привели Россию и Кавказ к необходимости единства. Это непростое геополитическое решение вырабатывалось целыми поколениями многие и многие годы.

К сожалению, довольно часто обстоятельства вхождения Кавказа в состав России изображаются лишь в виде «завоевательной политики и борьбы за независимость горских народов». Подобная точка зрения, как известно, насаждалась ранее в соответствии со сложившимися в исторической науке теоретическими стереотипами, но после дискредитации прежних идеологических установок, которые, несомненно, обеспечивали целостность страны, ее стали целенаправленно использовать заинтересованные силы для подрыва позиций России на Кавказе.

Необходимо отметить, что русское государственное присутствие на Северном Кавказе намечалось еще с X века, когда на Таманском полуострове было образовано Тмутараканское княжество [2]. С XVI века, после того как геополитическая миссия объединения Евразии с окончательным

распадом бывшей империи Чингисхана перешла к России, оно стало постепенно расширяться. Некоторые племена и даже целые этнические сообщества уже с того периода начали добровольно принимать российское подданство. В XVI–XVII веках в Москву поступали многочисленные прошения и грамоты от народов Кавказа с просьбами о покровительстве и включении их в пределы России. В 1552 году вооруженная поддержка была оказана пятигорским черкесам, подвергавшимся систематическим притеснениям со стороны крымских татар.

Прибывшим в Москву адыгским князьям была обещана защита их народа «...ото всех недругов». Казачьему гарнизону Терского городка, основанному в середине XVI века, была поставлена задача исполнять государственную службу и оберегать Кабарду [3].

С возникновением междоусобиц у кабардинцев для «водворения порядка» неоднократно посылались русские войска. Такая поддержка оказывалась и другим обществам мирных горцев. По верному замечанию видного краеведа начала XX века Ф.А. Щербины, добровольное вхождение в состав России было неустойчивым, от него происходили и отклонения. Но по мере укрепления российского военного присутствия на Кавказе эта тенденция набирала силу. Колебания же преодолевались при помощи воздействия «на... экономические потребности и личные интересы». На принятие решений о подданстве иногда уходило немало времени, в силу необходимости учета изменчивых геополитических вызовов и военных угроз. В 1810 году главный смотритель Малой и Большой Кабарды генерал-майор Дельпоццо информировал, например, командующего на Кавказе, что «черный кабардинский народ три года кряду посылал выборных от себя депутатов с просьбой принять их под покровительство русских...», но ходатайства оставались в течение всего этого периода без ответа.

Кавказ издавна относился к зоне цивилизационного разлома и вследствие этого испытывал двойственное геокультурное тяготение, предопределявшееся главным образом религиозными различиями. Проезжая в 1832 году по Военно-Грузинской дороге, военный разведчик Ф.Ф. Торнау, находившийся длительное время при разных обстоятельствах среди немирных горцев и вследствие этого разносторонне ос-

ведомленный о событиях на Кавказе, заметил, что через Дарьяльские ворота [4] проходило много завоевателей, «находивших гибель себе и своим братьям по человечеству; одни русские прошли здесь не с мыслью об истреблении, не за добычей, а на защиту христианского царства, истекавшего кровью под ударами своих лютых мусульманских соседей».

Параллельно еще большую масштабность обрел процесс присоединения к империи различных горских народов на Северном Кавказе. Только с 1827 по 1831 года присягу на верное подданство приняли аварцы и многие другие народы северо-восточных частей края, значительная часть чеченцев, дигорцы, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, а также тысячи закубанских аулов [5]. Единение с Кавказом, как видно, соответствовало не только национальным интересам русских. Оно обеспечивало безопасность на важнейших стратегических направлениях, соприкасавшихся с территориальными массивами, не организованными в государственном отношении и подпадавшими все больше под влияние враждебной державы. Но оно также отвечало интересам и самих коренных народов или, по крайней мере, значительной части их, предопределив более успешное совместное развитие. Некоторые из них получили при этом впервые за многие века спасительную для себя державную защиту в виде российских регулярных и казачьих войск от непрекращавшихся агрессий из сопредельного зарубежья [6], другие – при сохранении привычного самоуправления обрели внешне централизующее государственное оформление.

Гюлистанский мирный договор с Ираном в 1813 году впервые признал Северный Кавказ составной частью России, положениями которого край рассматривался уже «навечно» в качестве неотъемлемой ее территории. Еще раз эта позиция Ирана была подтверждена в 1828 году в Туркманчайском трактате. Тогда же, по Адрианопольскому мирному договору, приоритет российского влияния на Кавказе вынуждена была признать и Турция. Стратегические интересы требовали распространения российской юрисдикции на нагорные районы, разъединявшие государственно-политическое пространство с народами и отдельными обществами, изъявившими намерение добровольно присое-

диниться к империи или уже вошедшими в ее состав [7].

Оставшихся «непокорными» подчиняли силой, «по праву войны», отвечавшему признанным тогда в практике международных отношений нормам. Необходимо учитывать, что и в этом случае использовался фактор нравственного воздействия и к включенным таким способом в состав России относились как к потенциальным соотечественникам. Входившим с покорностью оказывались всяческое содействие и помощь. Это давало свои результаты. Происходил массовый отход горского населения от Шамиля. Само же завоевание официально не воспринималось как покорение. А главная цель проводившейся по отношению к инородцам политики сводилась к гражданскому приобщению, «слиянию с остальными подданными...», тогда как в других объединениях – к преимущественному получению материальных и политических выгод. Обогащения русского народа за счет горских народов не происходило, так как все инородческие территории в составе России рассматривались по большинству параметров на равных с великорусскими, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности. Более того, в ряде случаев, например, для калмыков, башкир, ногайцев, крымских татар, горцев, расселенных в нагорной полосе Северного Кавказа, «с учетом их нужды», они были существенно уменьшены особыми распоряжениями. А при введении русского управления в только что покорившихся обществах Дагестана в 1860 году Главным штабом Кавказской армии было предусмотрено даже освобождение всех народов края «от взноса податей на три года во внимание к разоренному войною состоянию их». Такая мера тем не менее не являлась исключением и на первое время распространялась на разных этапах на все племенные объединения Кавказа, принимавшие подданство России [8].

«С учетом материальной недостаточности» налоги были установлены, в частности, и для населения Ингушского округа горского участка Терской области, как разъяснялось в соответствующих документах, «на покрытие расходов казны по управлению». Как видно, проживавшие в нагорных и равнинных районах края племенные объединения платили подати неодинаково: там, где обеспеченность зем-

лей существенно отклонялась от нормы, они были в 2–2,5 раза меньше. Фискальные льготы инонациональным сообществам предоставлялись иногда и в более существенных параметрах. Поселенные в пределах Северного Кавказа армяне, например, получили освобождение «...от государственных податей и службы на 10 лет, а от дачи рекрут и складочных на них денег вечно» [9].

Следует отметить, что завоевания России в преобладающей степени диктовались настоятельной потребностью защиты безопасности населения и государства в целом [10]. Когда присоединение достигалось посредством принуждения, оно чаще всего вызывалось необходимостью обеспечить безопасность тех рубежей, над которыми нависала постоянная угроза нападения. Наиболее беспокойным в этом отношении на протяжении нескольких столетий оставалось южное направление. Частые и внезапные набеги на Россию восточных инородцев (крымских татар, ногайцев, горцев и др.), как правило, сопровождались грабежами, захватом людей, скота, имущества. После этих набегов подвергшиеся им области длительное время оставались в запустении.

И не случайно из бюджета российского государства выделялись значительные средства на строительство крепостей на стратегически опасных направлениях, а для несения службы отряжался изрядный воинский контингент.

Изучение истории юга России, предпринятое в последние годы по инициативе группы исследователей Кубанского государственного университета, вскрывает масштабность бедствия русского народа и его особой части – казачества, проживавшей непосредственно в контактной зоне и чаще всего подвергавшейся грабительским вторжениям.

То, что Россия, применяя силу оружия, добивалась именно прекращения «грабительства», в свое время признавали и некоторые влиятельные мусульманские авторитеты. Вместе с тем набеги имели не только внешнее проявление и направленность против «чужих», но и против своих же соплеменников.

В последнем случае, по свидетельству немецкого путешественника Э. Кемпфера, тоже похищалось все и продавалось, в том числе и люди, «туркам, персам и прочим в качестве крепостных».

Тем не менее в случаях, когда умиротворение народов достигалось в результате военных акций [11], официальной дискриминации в отношении их в России не устанавливалось. Учитывая, что элементы добровольности и силового принуждения закономерны для становления любого государства, можно говорить о том, что проводившиеся Россией завоевания выступали частью общего геополитического стабилизационного процесса, происходившего на протяжении многих веков в пределах Евразии [12].

В настоящее время Вооруженные силы России не только обеспечивают безопасность южных рубежей, но и помогают экономическому развитию региона, восстановлению разрушенной войной инфраструктуры. Так, в период с 1999 по 2006 годы на Северном Кавказе было восстановлено и построено свыше 630 объектов в гарнизонах Калиновская, Ханкала, Борзой, Шали, Ведено. 84 объекта создано в интересах Федеральной пограничной службы ФСБ России в населенных пунктах Борзой и Тусхарой.

Кроме того, восстановлены 19 объектов в Гудермесе и 19 – в Грозном, в том числе республиканский военкомат. Заново отстроен Дом Правительства, зал инаугурации Президента Чечни [13] и т.д.

О масштабности строительства в республике свидетельствует и тот факт, что на военные стройки в Чечне было привлечено около 8000 человек, задействовано более 1 тыс. единиц строительной техники, машин и механизмов.

В условиях высокогорья, в скальных грунтах предстоит проложить более 60 км внутриплощадочных инженерных сетей (теплотрассы, водопровод, канализация, электроснабжение, сети связи), построить водозаборные и очистные сооружения, завод по переработке твердых бытовых отходов и т.д.

Работы ведутся в боевой обстановке, днем и ночью. Есть и своя печальная статистика: за весь период 42 военных строителя погибли [14].

В ближайшее время предстоит выполнение очень важной задачи – это обустройство двух горных мотострелковых бригад, в том числе в Ботлихе.

В подтверждение сказанного необходимо привести пример того, как размеще-

ние воинских подразделений способствует экономическому развитию района их дислокации.

По плану командования российских войск часть строящихся инженерных сооружений будет использована в интересах села Ботлих и его окрестностей. Так, предусматривается, что водонасосная станция будет подавать воду в количестве 1900 кубометров в сутки для нужд села Ботлих и 1215 кубометров – для нужд военного городка. Электростанция на 32 МВт обеспечивает потребление электроэнергии военным городком в объеме 3,7 МВт, остальные мощности предназначены для населения Ботлихского района. Помимо этого, будет завершено строительство автодорог на участке Хуназ – Тлох – Муни – Ботлих – Тандо с длиной трассы 42 км [15].

Свой вклад в общее дело вносит и «Газпром». В соответствии с Федеральной целевой программой в ближайшее время Ботлихский район будет газифицирован, остался 90 километровый участок от населенного пункта Буртунай.

РАО «ЕЭС России» ведет работы для подачи большого объема электроэнергии. Минтранс пробил горный тоннель, что позволило сократить дорогу до Махачкалы и ускорить темпы строительства ряда объектов [16].

Подводя итог, необходимо сказать, что для России Кавказ никогда не был полигоном, на котором бы испытывалась военная сила. Через кавказские пределы она прокладывала свои геополитические маршруты на Восток, войдя здесь в непростые для себя соприкосновения с миром ислама. Русские пришли на Кавказ не по своей воле, а по зову истории, вынуждавшей молодую и крепнущую державу раздвигать свои государственные пределы.

Россия в своем геополитическом развитии, в конечном счете, несла кавказским народам мир и спасение от османского и персидского порабощения, хотя никогда не забывала и о своих имперских, государственных интересах. С усилением влияния России на Кавказе там прекратились кровавые междоусобицы и исчезла работоговля, была обретаена законность, появились надежды на культурный взлет и экономическое процветание.

Примечания:

1. Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XX века. М., 2005. С. 3–4; Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 3–7.
2. Всемирная история войн / Авт.-сост.: А.Г. Мерников, А.А. Спектор. Мн.: 2005. С. 119–120.
3. История и современность / Ориентир. М., 2003. С. 9–13.
4. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2002. С. 330.
5. Потто В.А. Кавказская война. Т. 3. Персидская война (1826–1828 гг.). Ставрополь, 1993. С. 195–196.
6. Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957. С. 19–23
7. История и современность / Ориентир. М., 2003. С. 9–13.
8. Там же.
9. Там же.
10. Карташев А.В. Ставропольский гарнизон: 230 лет на защите южных рубежей России. Ставрополь, 2007. С. 5–12.
11. Рубежи ратной славы Отечества. Люди, события, факты. М., 2002. С. 68.
12. Шацкий А.П., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь, 1977. С. 7–12.
13. Армейский сборник. 2007. С. 63–64.
14. Там же.
15. Армейский сборник. 2007. С. 6–10.
16. Там же.

Сведения об авторах:

Януш Сергей Владимирович,
д-р ист. наук, профессор кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета, академик Академии военно-исторических наук (Ставрополь).

